

В. Н. ЯРЦЕВА

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ЗАЙМСТВОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

В статьях, посвященных вопросам сравнительно-исторического языкознания, неоднократно отмечалась слабая разработанность сравнительного синтаксиса и специфические трудности, связанные с исследованием этой области сравнительной грамматики. Большинство авторов признает, что методы сравнения в области синтаксиса все еще остаются неясными¹.

Тем не менее объективно существующие трудности, обусловленные спецификой синтаксиса как особой части грамматического строя языка, не должны приводить к отказу от реконструкции синтаксических моделей. Как правильно замечает проф. П. С. Кузнецов, «отказ от такой реконструкции приведет нас к агностицизму, т. е. к установлению одних лишь соответствий между словами и формами родственных языков без ответа на вопрос, каким же образом эти соответствия возникли»².

При наличии четкой методики анализа, гарантирующей объективность исследования и достоверность реконструкции, восстановление синтаксических моделей оказывается вполне возможным.

Какими же материалами располагает лингвист, когда он подходит к необходимости реконструировать модели языка-основы, не зафиксированного письменностью? Очевидно, лишь письменными памятниками древнейшего исторического прошлого засвидетельствованных языков, данными живых диалектов, некоторыми косвенными историческими свидетельствами. И здесь неизменно встает задача выделения исконных синтаксических конструкций среди того, что появляется в каком-либо из родственных языков в результате более позднего самостоятельного развития в каждом языке унаследованных образцов. Вместе с тем необходимо выявить в синтаксисе и то, что может оказаться заимствованным из синтаксических моделей языков другого строя.

Важность отделения «своего» от «чужого» с тем, чтобы на основе этого «своего» проводить реконструкцию синтаксического строя языка-основы, самоочевидна. Менее очевидны, однако, те трудности, с которыми сталкивается исследователь, приступивший к выполнению этой задачи. Кажется бы, слой «чужих», заимствованных конструкций должен с легкостью отделяться от исконного материала грамматики данного языка. Однако

¹ См., например, следующие статьи: С. Б. Бернштейн, Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков», ВЯ, 1954, № 2, стр. 51; Р. А. Будагов, Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса романских языков, ВЯ, 1955, № 3, стр. 4; Г. С. Кнабе, О применении сравнительно-исторического метода в синтаксисе, ВЯ, 1956, № 1, стр. 77.

² См. П. С. Кузнецов, Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков, ВЯ, 1952, № 5, стр. 39.

ЧИ АНТИИ
№

большие трудности для решения указанной проблемы создаются именно «мотивированностью» синтаксических построений и тем, что слова в словосочетании (а тем более в предложении) обладают меньшей степенью «сцепляемости», чем морфемы слова. В результате этих объективно существующих трудностей исследования в лингвистике XIX—XX вв. появилась тенденция чрезмерно преувеличивать возможности иноязычных воздействий на синтаксический строй языка (что объяснялось еще и представлением о синтаксисе, как о наиболее легко «проницаемой» области языка) и вообще ставить под сомнение целесообразность реконструкции синтаксиса языка-основы.

Не могли, естественно, выделить в синтаксисе «свое» и «чужое» т. е. из лингвистов, которые полагали (недалеко уходя в этом от идей универсальной грамматики XVII в.), что синтаксис только отражает общечеловеческую логику, так как они не обращали внимания на исторически сложившуюся специфику грамматического строя изучаемых ими языков.

Некоторые представители структурального направления, интересовавшиеся главным образом выражением отношений и значений в языке и не учитывавшие исторической эволюции формы и содержания этих отношений и значений, недооценивали единства грамматической системы языка и допускали соединение в каком-либо языке унаследованной морфологии и целиком заимствованного синтаксиса¹. На деле оказывается, однако, что именно синтаксические явления, пограничные с областью морфологии, наименее подвержены иноязычным влияниям и поддаются реконструкции с наибольшей степенью достоверности.

Как известно, специальные работы по сравнительно-историческому синтаксису родственных языков весьма немногочисленны. Исследуя происхождение конструкций, по своей структуре как бы не укладывающихся в синтаксические нормы данного языка (что может быть верным или кажущимся), авторы исторических грамматик отдельных языков часто поднимают вопрос об иноязычном влиянии на синтаксис; однако никаких четких критериев для выделения заимствованных синтаксических моделей обычно не дается, а сами сведения о заимствовании тех или иных синтаксических образцов приводятся от случая к случаю. Объяснения происхождения иноязычных синтаксических конструкций в том или ином языке сводятся в основном к следующему. Некоторые лингвисты усматривают в заимствовании синтаксических моделей влияние языка-субстрата, в большей или меньшей степени уточняя характер и этническую принадлежность последнего. Для подкрепления объяснений подобного рода нередко указываются исторические вехи контакта двух языков (хотя и без хронологического уточнения). Иногда более неопределенно говорят о культурном воздействии при столкновении двух языков, но мало связывают это с анализом истории развития исследуемого языка и его особенностей. Наконец, в некоторых работах ссылаются на влияние переводов с одного языка на другой и на проникновение из языка оригинала тех синтаксических оборотов, которые не имеют адекватных параллелей в языке перевода. Согласно этой точке зрения, переводчик бывает вынужден дать синтаксическую кальку или просто заимствовать синтаксическую схему, наполняя ее лексическим материалом своего языка².

Нельзя сказать, чтобы все три указанных выше типа объяснений были полностью неверны. В истории языков бесспорно встречаются случаи иноязычного воздействия на синтаксис. Однако чаще всего толкова-

¹ См. L. Gesenius, *Phonologie et mélange de langues*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 8, 1939, стр. 85.

² Стоит оговорить, что мы проводим разницу между заимствованием синтаксической модели и синтаксической калькой как частным его случаем.

ния, дававшиеся по поводу фактов иноязычного влияния на синтаксис того или иного древнего языка, были мало убедительны, трудно доказуемы и в целом носили случайный характер. Это объясняется не столько расхождением во мнениях, сколько субъективизмом, характерным для спорящих сторон при оценке данного синтаксического явления. Вполне понятно, что подобный подход к языковым фактам исключал возможность разработки таких критериев, которые могли бы дать твердую почву для спора.

Из сказанного вытекает необходимость разработки строгой методики научного анализа для определения границ возможного иноязычного влияния в области синтаксиса и для выделения иноязычных синтаксических моделей. Нам могут возразить, что сами исторические условия контакта народов, состояние их языков (письменные или бесписьменные языки), строй этих языков и прочие данные неодинаковы в разных случаях. С этим нельзя не согласиться. Но хотя все указанные условия приходится учитывать, есть все же некоторые общие, отправные принципы исследования, несоблюдение которых, как нам кажется, приводило к неубедительности дававшихся объяснений или уводило саму дискуссию на боковые пути. Поэтому хотелось бы прежде всего остановиться на этой стороне дела

*

Подлинно исторический анализ синтаксиса одного языка и выделение в нем заимствованных конструкций очень важны для сравнительно-исторического синтаксиса группы родственных языков. Учет фактов истории отдельных языков позволяет нам не только исследовать их строй в наиболее отдаленные эпохи, но и выявить тенденции развития, которые могут оказаться проявлением и развертыванием исконных элементов, заложенных в грамматической структуре праязыка¹.

Чтобы избежать опасности принять частное явление за закономерность и приписать ее «своему» или, наоборот, «чуждому» материалу, необходимо выявить тенденции, действующие на большом историческом отрезке времени. Не останавливаемся сейчас на вопросе о том, что сама тенденция может быть исторически изменчивой².

Итак, одним из условий правильного отделения «своего» от «чуждого» является изучение тенденций синтаксического развития в данном языке, ибо они могут быть очень устойчивыми и иметь свои истоки в глубокой древности. Совокупность этих тенденций развития языка создает известную «непроницаемость» синтаксиса для чужеродных влияний; именно благодаря этой «непроницаемости» в синтаксическую систему данного языка как бы «пропускается» только то, что ее восполняет в деталях или с ней контаминируется. Эти свойства синтаксической системы языка легче выявить, рассматривая историю языка в более близкие к нам периоды, когда оба сталкивающиеся языка в равной мере известны. Например, несмотря на длительный период двуязычия, в английском языке обнаруживается очень мало синтаксических конструкций, появление которых можно было бы объяснить влиянием французского языка во время нормандского завоевания Англии. Неправы те англисты, которые, как, на-

¹ В качестве примера можно указать на работу проф. В. Г. Адмони «О некоторых закономерностях развития синтаксического строя» («Доклады и сообщения [Ин-та языковедения АН СССР]», V, М., 1953). На основе данных из истории немецкого языка автор устанавливает в этом языке тенденцию к перерастанию глагольно-сказуемой рамки в такую, которая охватывает все предложение в целом.

² См. об этом, например, В. Г. Адмони, указ. соч., стр. 41—42.

пример, Э. Эйненкель¹, стремятся возводить любую аналитическую форму к французским образцам. Использование предложных конструкций, словосочетаний с полуслужебными глаголами и других словосочетаний, могущих идти по пути грамматизации, в достаточной степени обнаруживается уже в древнеанглийском языке. Можно показать, что синтаксические конструкции современного английского языка являются непосредственным развитием тех форм, зародыши которых (при всем их качественном отличии от современных оборотов) уже имели место в строе древнеанглийского языка.

Отдельные синтаксические обороты, источники которых можно усмотреть в заимствованных синтаксических моделях французского языка (как, например, постановка определения после определяемого), немногочисленны и в подавляющем большинстве случаев не противоречили в момент их появления тенденциям развития грамматического строя английского языка. Примером может служить также использование заимствованных из французского языка глаголов с переходным и непереходным значениями. Глаголы эти в большом количестве проникли в английский язык в XIII—XV вв. и способствовали преобразованию глагольно-объектных отношений, характерных для древнеанглийского периода. Отметим, однако, что синтаксическая форма выражения категории переходности-непереходности в принципе не была чужда древнеанглийскому языку. Заимствованная из французского языка модель глагольного словосочетания контаминировалась с синтаксическим оборотом, возможным в отдельных случаях и в древнеанглийском языке. Дальнейшее развитие английского языка определило именно эту форму связи глагола с субъектом и с объектом, как типичную и нормативную.

Следовательно, при анализе исторического развития строя данного языка особенно важно выявление ведущих тенденций для определения форм взаимодействия «своих» и заимствованных моделей и случаев их контаминации. Заимствование синтаксического образца, как бы вкладываемого на структурно близкую к нему исконно «свою» конструкцию, нередко приводит к более интенсивному развитию последней². Необходимо подчеркнуть, что та или иная синтаксическая конструкция языка-основы, послужившая материалом для развертывания и проявления тех или иных тенденций в отдельных исторически-засвидетельствованных языках, сама могла быть полисемантической. Поэтому в группе родственных языков различные стороны ее значения могли быть реализованы по-разному. Следует, однако, ответить и на другой, легко возникающий вопрос. Может ли сама эта тенденция быть порождена некогда заимствованным образцом? Думаем, что может.

Конечно, единичная, частная заимствованная модель (если она не контаминирована с исконной для данного языка моделью) вряд ли может вызвать нечто принципиально новое и серьезно повлиять на развитие грамматического строя заимствующего языка. Однако воздействие языка-субстрата может отразиться на дальнейшем развитии данного языка. Не вдаваясь здесь в подробный разбор этого сложного вопроса³, отметим лишь, что если действительно подобное явление имеет место в том или ином языке, «чуждая» синтаксическая конструкция становится «своей»,

¹ См. E i n e n k e l, Geschichte der englischen Sprache, II, — Historische Syntax, 3-e Aufl., Strassburg, 1916.

² На это указывали различные исследователи. См., например, Р. А. Б у д а г о в, указ. соч., стр. 11.

³ Эта проблема скорее относится к истории дальнейшего развития языка, подвергнувшегося воздействию субстрата, чем к вопросу реконструкции исконных синтаксических моделей.

поскольку она органически входит в заимствовавший ее язык и определяет дальнейший ход его развития.

Очень существенна для разбираемых нами вопросов относительная хронология появления иноязычных синтаксических моделей. Только в том случае, если удастся установить такую хронологию, тенденции развития языка могут быть констатированы как реальность, а не как плод фантазии исследователя. Ясно, что относительная хронология легче устанавливается для звуковых изменений в пределах морфем, чем для изменения структуры синтаксического оборота. Особенную сложность представляет выяснение хронологической преемственности развития значений того или иного синтаксического оборота. Как и в других случаях применения сравнительно-исторического метода, необходимо бывает отличать момент диалектальной дифференциации языка-основы от более древнего этапа его развития до распада на отдельные языки. Это в равной мере важно как для определения инноваций, так и для выяснения роли ранних заимствований в целях реконструкции свободного от заимствований образца. Следует указать, что А. А. Потемня, работы которого в области исторического и сравнительно-исторического синтаксиса являются, с нашей точки зрения, непревзойденными в мировой науке, всегда отмечал различия в этапах развития обнаруженных им тенденций в синтаксисе славянских языков.

Прослеживание дописьменной истории синтаксических явлений, несомненно, представляет большие трудности. Вместе с тем важность подобного хронологически членимого анализа трудно переоценить, так как сопоставление в языках внешне сходных черт без учета их истории может привести к совершенно неверным выводам¹.

Относительная хронология появления тех или иных синтаксических закономерностей весьма существенна для определения исторической последовательности включения заимствованных моделей в грамматическую систему заимствующего языка. Важен такой анализ и для выявления степени участия заимствованных синтаксических моделей в развертывании тенденций, направляющих развитие синтаксиса данного языка. Наконец, указанный метод исследования дает возможность обнаружить случаи контаминации заимствованных синтаксических конструкций с автохтонными. Между тем, несмотря на то, что в специальных работах по исторической грамматике различных языков часто ссылаются на всевозможные «влияния», вопросы исторических рамок этих влияний обычно не рассматриваются, причем относительная хронология (в целом более важная для сравнительно-исторического исследования, чем абсолютная) отсутствует. Неопределенность исторических границ особенно ощущается в теориях, относящих отклонения от предполагаемого праязыкового типа за счет влияния языка-субстрата. Правда, трудности в этом случае усугубляются не только отдаленностью времен, когда для данного языка могли создаться условия подобного влияния, но и тем, что сами структурные черты языка-субстрата часто совершенно неизвестны лингвистам. В. Брэндалл предлагает следующие пути определения типа языка-суб-

¹ Это прекрасно показал, например, С. Б. Бернштейн в своем разборе гипотезы о балто-славянском происхождении творительного предикативного в славянских и балтийских языках. Критика этой гипотезы С. Б. Бернштейном основана на том, что творительный предикативный отсутствовал в старославянском языке и вообще появился в славянских языках довольно поздно, в то время как, наоборот, архаический для латышского языка творительный предикативный был вытеснен там вторым именительным (см. С. Б. Бернштейн, указ. соч., стр. 52).

страта: 1) выделение в данном языке всего того, что сходно с родственными языками, и отнесение остального за счет субстрата; 2) проверка этого «остатка» по материалам тех языков, для которых можно предполагать один общий субстрат¹. Сходной точки зрения на методику выявления субстратных элементов придерживается Ж. Вандриес в работе «Лингвистическое положение кельтского языка»².

При подобной методике анализа за счет субстрата относятся известные «выпадения» из системы, черты, не характерные для данной группы родственных языков. Повидимому, этот прием Ж. Вандриес предлагает для выявления заимствованных элементов потому, что главную опасность он видит в возможности отнесения за счет генетической общности того, что на самом деле является лишь результатом случайного совпадения. «Лингвистические возможности ограничены в своем числе, — пишет Вандриес, — одинаковые причины развития, приводящие к одинаковым результатам, встречаются в различных языках, не имеющих между собой никакой исторической близости»³. Следовательно, многое может в языках просто совпадать, вовсе не имея исторически единого источника.

Некоторой гарантией от ошибок в этих случаях может служить то, что подобные случайные совпадения при более внимательном анализе всегда будут иметь несистематический характер. Поэтому явления, заимствованные из языка-субстрата, могут рассматриваться как «выпадения» из системы, в то время как генетически исконные черты составят систему соответствий. «Язык представляет собой целостную систему, — пишет Вандриес, — и не составлен из разрозненных кусков. Пракельтский — это целое, составляемое совокупностью черт кельтских языков, относимых к их индоевропейскому прошлому»⁴.

Приведенные положения Вандриеса носят общий характер и не имеют в виду именно синтаксическую сторону языка. Нельзя, однако, не учитывать того, что ввиду «мотивированности» синтаксиса сходство генетически нетождественных конструкций вполне возможно, так как основания для того или иного построения действительно могут оказаться одинаковыми в разных языках. С другой стороны, как нам кажется, Вандриес не прав, усматривая в исследуемом языке проявление субстрата в виде каких-то отдельных «выпадений» из системы. Такой характер скорее имеют заимствования, появившиеся под влиянием переводов письменных памятников. Трудности выделения элементов субстрата (в такой же мере, как и доказательства его дальнейшего влияния) как раз и проистекают от того, что он весьма прочно сливается с системой языка, на который данный субстрат оказывает свое воздействие. В этом отношении интересной представляется попытка Ю. Покорного объяснить основные черты синтаксиса древнеирландского языка как проявление семито-хамитского субстрата⁵. Придерживаясь той точки зрения, что при смешении языков лексику и морфологию сохраняют «победители», а фонетику и синтаксис приносят «побежденные», Ю. Покорный все своеобразные синтаксические черты древнеирландского языка возводит к субстрату. Для него не может быть речи о случайном совпадении синтаксических конструкций. И это

¹ V. Brøndal, *Substrat et emprunt en roman et en germanique*, Copenhague — Bucaresti, 1948.

² J. Vendryes, *La position linguistique du celtique*, «Proceedings of the British Academy», London, 1937.

³ Там же, стр. 345.

⁴ Там же, стр. 346.

⁵ См. J. Pokorny, *Das nicht-Indogermanische Substrat im Irischen*, «Zeitschrift für celtische Philologie», Halle (Saale): Bd. XVI, Heft 1,2—1927 (обл.: 1926); Bd. XVII, Heft 3 — 1928.

не только потому, что резкое расхождение индоевропейского и хамитского типа языковой структуры облегчает разделение указанных двух слоев в ирландском языке, но в первую очередь потому, что все отдельные частные отклонения от индоевропейского образца объясняются Ю. Покорным как связанные с одной общей причиной, как бы являющиеся ее производными. Так, Ю. Покорный говорит о том, что для древнеирландского языка, как и для берберского, был характерен так называемый «нанизывающий» строй (тип «anreihende Sprachen»).

Ю. Покорный пробует доказать, что все синтаксические черты древнеирландского языка, не находящие себе параллелей в других индоевропейских языках, должны расцениваться как наследие от неиндоевропейского населения Ирландии, сходного по своему языку с берберами¹.

Аргументация Ю. Покорного в пользу наличия неиндоевропейского субстрата в ирландском языке представляется во многом убедительной именно благодаря стремлению подвести отдельные частности под общие правила синтаксических построений, заимствованных из какого-то семито-хамитского языка. Вместе с тем стремление все объяснять заимствованием синтаксических моделей из языка-субстрата приводит Ю. Покорного к известной односторонности в трактовке рассматриваемого им вопроса и к игнорированию трудностей проблемы отделения «чужого» в языке.

Мимо этой проблемы прошел и Ж. Вандриес, который, как и Ю. Покорный, придерживается принципа «остаточности» при выделении «чужого» в языке. Однако «остаточные» конструкции, как бы выпадающие из общего синтаксического типа анализируемого языка, часто могут быть не результатом заимствования, а своеобразными архаизмами, удержавшимися (и даже в дальнейшем развивающимися) в одних языках (или в одном) и исчезнувшими в других. Так, широкое развитие именного предложения без глагола-связки в древнеирландском языке Ю. Покорный объясняет как результат воздействия субстрата. Однако, как показал А. Мейе², в древних индоевропейских языках именовое предложение было гораздо больше распространено, чем в новых, и ирландский лишь сохранил его в такой мере, в какой это уже стало невозможным в других индоевропейских языках. Поэтому в связи с «выпадениями» из некоей синтаксической схемы, устанавливаемой для данной семьи языков, возникает не только проблема заимствований, но и проблема пережитков, своеобразных архаизмов автохтонного происхождения. Следует, разумеется, учитывать, что тот или иной оборот может считаться архаизмом, если его рассматривать по отношению к какой-то абстрактной схеме общих черт данной группы родственных языков. Для отдельного же языка это может быть вовсе не исключением, а нормой, что, например, мы имеем в приведенном выше случае именного предложения в древнеирландском языке.

Все высказанные здесь соображения приводят к следующим выводам. Столкновение языков в условиях вытеснения одного языка другим может приводить к появлению в победившем языке ряда заимствованных конструкций. Они существуют в языке в целом и не ограничиваются каким-либо одним стилем речи. Определение и выделение их сопряжено с большими трудностями, обуславливаемыми в первую очередь тем, что побеж-

¹ Изложение концепции Ю. Покорного по этому вопросу см. в статье В. Н. Яревой «Теория субстрата в истории языкознания» («Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», IX, М., 1956, стр. 26—27). Мысли общего характера о сходстве ирландского языка с африканскими высказывались и раньше, до работы Ю. Покорного. См. J. Y r n e, *General principles of the structure of language*, London, 1885.

² A. Meillet, *La phrase nominale en indo-européen*, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. XIV, fasc. 1, 1906.

денный язык исчезает и, следовательно, один из элементов сравнения отсутствует. Второе затруднение состоит в том, что воздействие субстрата часто относится к дописьменным периодам и установление внутренней хронологии явлений очень осложняется.

Для преодоления первого из указанных затруднений в ряде случаев можно воспользоваться языком, родственным предполагаемому языку-субстрату (если этот последний полностью исчез). Следует указать, что как раз по отношению к синтаксису подобная замена может быть более оправдана, чем в какой-либо другой области языка. Синтаксические модели в родственных языках могут оказаться тождественными скорее, чем звуковой состав или словарь. Более сложным представляется вопрос определения той или иной конструкции, выпадающей из норм данной группы родственных языков; это объясняется тем, что такая конструкция может оказаться заимствованной или, наоборот, быть результатом индивидуального развития и преобразования синтаксического типа, имевшего частный характер в языке-основе. Хорошей иллюстрацией затруднений, возникающих в таком случае, может служить спор по поводу происхождения своеобразного порядка слов в ирландском и валлийском языках (последовательность: глагол — подлежащее — дополнение). Ю. Покорный утверждает, что это — заимствование из языка-субстрата; Ж. Вандриес¹ и отчасти Баудиш² полагают, что здесь имеет место развитие и обобщение эмфатической инверсии, возможной как частное явление в индоевропейском языке.

Подобный спор можно решить только при рассмотрении изучаемой конструкции в синтаксисе данного языка в целом. И здесь мы подходим к важному пункту методики сравнения для случаев, связанных с явлениями субстрата. Как явствует из сказанного выше, для выяснения вопроса о заимствованном или унаследованном характере какого-либо синтаксического явления его приходится изучать, с одной стороны, в «дающем» языке, а с другой — во всей группе языков, родственных тому, который служит объектом анализа. Иначе обстоит дело в отношении заимствований из литературного языка через письменность (что бывает чаще) или через устную речь (что наблюдается реже). В этих случаях достаточно двух языков: источника заимствований и языка заимствующего. Учтем при этом, что язык, являющийся источником заимствования, очень часто известен, и даже могут быть известны те памятники, при переводе которых появились заимствованные синтаксические обороты. Основная опасность в этом случае — преувеличение роли заимствований. Однако поскольку заимствования этого типа обычно встречаются в определенных стилях речи (хотя бы в своем генезисе для данного языка), то открывается возможность проводить сравнение употребления той или иной конструкции, выделяемой как заимствование внутри самого заимствующего языка.

В качестве примера уместно рассмотреть вопрос заимствования древними германскими языками отдельных синтаксических моделей из латинского языка. Вопрос этот не раз служил предметом спора среди исследователей. Нас, однако, здесь интересует не столько его положительное или отрицательное решение, сколько выяснение той системы доказательств, к которой прибегали сторонники теории латинского влияния. Ученые, занимавшиеся исторической грамматикой германских языков, утверждали, что ряд синтаксических оборотов в древнегерманских языках появился под непосредственным воздействием латыни.

¹ J. V e n d r y e s, La place du verbe en celtique, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. XVII, fasc. 5, 1912.

² J. B a u d i s h, On the character of the celtic languages, «Revue celtique», vol. XI, № 1—2, Paris, 1923.

*

Хорошо известен факт появления в германских языках сложной формы прошедшего времени глагола, состоящей из вспомогательного глагола «быть» (или «иметь») + причастие II, и постепенного вытеснения этой формой простого прошедшего времени. Вытеснение простого прошедшего в германских языках объясняли как чисто фонетическими причинами¹, так и непосредственным влиянием латинских образцов. А. Мейе, например, указывает на то, что сложная форма перфекта создается в ряде языков, впоследствии часто приобретаая значение прошедшего времени. Считая это общей морфологической тенденцией индоевропейской семьи языков, А. Мейе вместе с тем полагает, что германские сложные формы являются конструктивной калькой латинских образцов, так как германские языки включаются в этот процесс с некоторым запозданием (в готском языке данные описательные формы отсутствуют)².

Точка зрения, согласно которой сложные формы перфекта возникли в результате латинского влияния, укрепились и по отношению к отдельным германским языкам, например древнеанглийскому. Однако, высказанная в общей форме, эта точка зрения вызвала ряд возражений со стороны исследователей древнеанглийского глагола. Так, например, Г. Каро³ отрицает возможность латинского влияния на древнеанглийский язык (речь идет об описательных формах с *habere*), указывая на наличие описательных форм с причастием II в очень древних памятниках английского языка и наличие в них несклоняемых форм причастий. Он полагает, что эти описательные формы возникли в дописьменный период и имеют своим источником живую разговорную речь. Сравнивая в древнеанглийских памятниках (как оригинальных, так и переводных) употребление простого прошедшего и описательной формы (глагол «иметь» + причастие II), Г. Каро приходит к заключению, что в позиции описательный перфект встречается исключительно в прямой речи. В прозаических памятниках описательный перфект также в большинстве случаев встречается в прямой речи. Таким образом, анализ памятников древнеанглийской письменности не подтверждает теории латинского влияния на возникновение данной глагольной конструкции, поскольку результаты подражания латинским формам, как замечает автор, должны были бы скорее отразиться в косвенной речи прозаических документов.

Аналогичные споры возникали и по поводу употребления в древнеанглийском сочетании глагола «быть» + причастие I (типа *wæron feohtende*, буквально: *были воюющими*). В специальных работах, посвященных этому вопросу, мы находим две прямо противоположные точки зрения. Ф. Аронштейн указывает на то, что сочетание глагола «быть» с причастием I встречается во всех индоевропейских языках⁴.

Г. Суит полагает, что данные формы были созданы по аналогии с сочетанием глагола «быть» и прилагательного. Г. Козиол, полемизируя с О. Есперсеном, считавшим, что указанная конструкция чужда духу англо-саксов, утверждает, что глагольные словосочетания подобного типа

¹ Библиографию по этому вопросу см. в статье: A. J. F. Zieglschmid, *Der Untergang des einfachen Präteritums in verschiedenen indogermanischen Sprachen*, «Language Monographs» («Suppl. to „Language“»), № VII, Baltimore, 1930.

² A. Meillet, *Sur la disparition des formes simples du prétérit*, в сб. статей автора «Linguistique historique et linguistique générale», 2-е éd., Paris, 1926.

³ См. G. Caro, *Zur Lehre vom altenglischen Perfectum*, «Anglia», Bd. XVIII, N. F. Bd. VI, Heft 3 und 4, Halle a. S., 1896. его же. *Das englische Perfectum und Praeteritum...*, там же, Bd. XXI, N. F. Bd. IX, Heft 1 und 2. 1898 (1899).

⁴ См. Ph. Aronstein, *Die periphrastische Form im Englischen*, «Anglia» XLII, N. F. Bd. XXX, 1918, стр. 5.

возникли в германских языках (в том числе и в древнеанглийском) естественным путем, хотя примеров их употребления в оригинальных древнеанглийских памятниках не много¹.

В противоположность указанным авторам, А. Окерлунд², А. Пюттман³ и К. Пессельс⁴ считают, что сочетания «быть» + причастие I в древнеанглийском языке появились как калька перфекта отложительных глаголов латинского языка. Действительно, если в древнеанглийской летописи, оригинальном памятнике больших размеров, встречается только 24 случая употребления сочетания «быть» + причастие I, то в переводе с латинского языка произведений епископа Беды обнаруживается 285 подобных случаев. Выяснено, что из этих 285 примеров разбираемая конструкция в 127 случаях соответствует отложительным глаголам латинского подлинника. Примерно такое же соотношение можно обнаружить при исследовании и других переводных памятников. Отметим, однако, что в самом типе сочетания глагола «быть» + причастие I нет ничего необычного для структуры древнегерманских языков. Различные типы составного глагольного сказуемого с предикативным членом, выраженным разными частями речи (в том числе и именными формами глагола), были свойственны древнеанглийскому языку, причем некоторые из этих конструкций могли встречаться чаще, а другие реже. Следует учитывать также и то, что в оригинальных памятниках эта конструкция встречается, хотя и реже, чем в памятниках переводных. Поэтому безоговорочно принять теорию латинского влияния на возникновение этой формы глагольного словосочетания трудно. Относительно большее число указанных форм в переводах с латинского языка можно объяснить также следующим. Ввиду бедности глагольных форм в древнеанглийском языке для точной передачи семантических оттенков латинских глагольных форм переводчикам часто приходилось прибегать к разнообразным типам составного сказуемого. Бесспорно, что необходимость употреблять те или иные структурные типы составного сказуемого, увеличивая их частотность, тем самым способствовала распространению и закреплению их в письменном литературном языке. С этой точки зрения влияние переводов с латинского языка могло отразиться на дальнейшей истории этих синтаксических конструкций в английском языке.

*

Как уже говорилось, необходимо очень точно различать двоякий род иноязычных влияний: 1) когда синтаксическое заимствование усиливает употребление аналогичной конструкции, возможной по типу своей структуры и для языка, подвергнувшегося влиянию; 2) когда само появление данной синтаксической модели обязано влиянию иноязычного образца. Последнее, может быть, станет яснее при анализе еще одного синтаксического оборота в древнегерманских языках. Речь идет об абсолютной причастной конструкции, появление которой большинство германистов относят за счет латинского *ablativus absolutus*. Если обратиться к истории этого оборота в древнеанглийском языке, то на первый взгляд положение вещей напоминает указанные случаи с глагольными словосочетаниями. С одной стороны, в переводной литературе действительно встречаются

¹ См. Н. Козюл, Zum Gebrauch der englischen Tempora, «Englische Studien», Bd. 71, Heft 3, Leipzig, 1937, стр. 385.

² А. А керлунд, On the history of the definite tenses in English, Lund, 1911.

³ А. П үттманн, Die Syntax der sogenannten progressiven Form im Alt- und Frühmittelenglischen, «Anglia», Bd. XXXI, N. F. Bd. XIX, Heft 3, 1908.

⁴ С. Пессельс, The present and past periphrastic tenses in Anglo-Saxon, Strassburg, 1896.

случаи, когда лат. *ablativus absolutus* передается древнеанглийским оборотом с причастием в дательном падеже. Вместе с тем далеко не все латинские абсолютные обороты переводятся именно таким образом. Так, в древнеанглийском переводе «Орозия» из 318 случаев латинского *ablativus absolutus*, употребленных в подлиннике, только 5 переведено абсолютным причастным оборотом. Сравнивая перевод с латинским оригиналом, мы находим, что чаще всего лат. *ablativus absolutus* передается в древнеанглийском придаточным предложением. При этом союз в древнеанглийском придаточном предложении указывает на содержание связи латинской абсолютной конструкции с глаголом главного состава предложения.

Очень часто латинская абсолютная конструкция переводится не придаточным предложением, а при помощи сочинения. К тому же причастие I в функции обстоятельства не употреблялось в древних германских языках и, выступая чаще всего как приименное определение, синтаксически не могло быть связано с глаголом-сказуемым предложения. Анализ его синтаксических функций показывает, что употребление, подобное латинскому *ablativus absolutus*, было нетипично для причастия древнегерманских языков. Можно поэтому полагать, что именно под влиянием переводов с латинского причастие начало использоваться в не свойственных ему раньше синтаксических функциях. Таким образом, для решения вопроса о наличии или отсутствии иноязычного влияния приходится учитывать не только результаты сопоставления частотности употребления исследуемого оборота в оригинальных и переводных произведениях, но и грамматико-семантические черты, характеризующие данную часть речи (или данное словосочетание) в системе грамматики изучаемого языка. Материалы, подготовленные таким образом при историческом исследовании отдельных языков, помогут выявить те напластования, которые могли появиться в языке в результате иноязычного влияния. При этом так же, как и в случаях воздействия языка-субстрата, приходится по возможности учитывать относительную хронологию языковых явлений.

Ясно, что факт иноязычного влияния в отдельных родственных языках можно установить в процессе сравнения этих языков скорее, чем более древнее по времени воздействие, сказавшееся на самом языке-основе. Следует, однако, учесть, что последнее — весьма редкий случай, поскольку тот круг заимствований, о которых речь шла выше, более типичен для периода разделения языка-основы на ряд самостоятельных языков.

Подведем некоторые итоги.

Задачи сравнительно-исторического исследования, проводимого не только в целях сравнения, но и для реконструкции генетически общих структур, требуют при изучении синтаксиса родственных языков выделения тех конструкций, которые могли явиться результатом заимствования синтаксических моделей.

Широко распространенная точка зрения, согласно которой синтаксис представляется как легко «проницаемая» область языка, приводила иногда к некритическому отнесению за счет заимствования таких конструкций, которые на самом деле представляют собой в данном языке своеобразное развитие старого, унаследованного явления. Лингвисты, придерживающиеся такой точки зрения, не учитывают единства грамматической системы языка, проявляющегося, в частности, в тесной связи синтаксиса и морфологии. Синтаксические явления, пограничные с областью морфологии, оказываются наименее подверженными иноязычным влияниям.

Появление конструкций, кажущихся чужеродными для строя данного языка или группы родственных языков, объясняется обычно либо как заимствование синтаксических моделей в результате действия иноязычного субстрата, либо как калька синтаксических оборотов при пере-

воде памятников с одного языка на другой. Необходимо установить четкие критерии и выработать строгую методику исследования для определения границ возможного иноязычного влияния в области синтаксиса.

Работа по сравнительно-историческому синтаксису родственных языков должна сочетаться с исследованием в области исторической грамматики отдельных языков. В процессе этого исследования необходимо выявить заимствованные синтаксические модели, выяснить условия и причины их появления. Установление факта заимствования синтаксических моделей из вытесненного языка-субстрата осложняется обычно существующей неясностью хронологических рамок воздействия побежденного языка на язык победивший. Сложность исследования в этой области усугубляется тем обстоятельством, что черты структуры языка-субстрата иногда вообще остаются неизвестными лингвистам. Для проведения исследований в этой области возможно применение следующих методов:

1. Сравнение синтаксических черт группы родственных языков для первоначального выделения тех особенностей отдельных языков, которые представляются «выпадающими» из данной системы.

2. Сопоставление выявленных таким образом конструкций со структурными чертами языка, предполагаемого в качестве языка-субстрата (в случае наличия материалов по этому языку).

3. При отсутствии непосредственных материалов по языку-субстрату — выявление структуры синтаксических моделей в языках, родственных этому последнему, и, с другой стороны, анализ параллелей в синтаксисе исследуемого языка с языками, с которыми у него имеются более далекие генетические связи.

Отдельные случаи заимствования синтаксических моделей (синтаксические кальки), появляющиеся при различных формах контакта народов (устная или письменная речь), не носят обычно системного характера, часто представляют собой неразложимые идиоматические выражения, и их влияние не надо преувеличивать.

Методы установления возможного влияния одного языка на другой при переводе письменных памятников следующие:

1. Сличение синтаксических единиц в переводных и оригинальных памятниках исследуемого языка в целом.

2. Сличение синтаксических единиц перевода единичного документа с его оригиналом.

3. Учет хронологии появления синтаксических конструкций, могущих быть результатом иноязычного влияния, и степени их частотности как в памятниках разного жанра, так и в различных стилях речи.

4. Учет возможных случаев контаминации синтаксических моделей исследуемого языка и заимствованных синтаксических конструкций. Такая контаминация может привести к интенсивному распространению тех оборотов, которые, будучи малочисленными, структурно были возможны и в собственной системе заимствующего языка. В последнем случае особенно полезным может оказаться анализ диалектных памятников и сопоставление синтаксических оборотов в литературном языке и в диалекте.

Особенности морфологической и синтаксической системы заимствующего языка по-разному сказываются на возможностях калькирования иноязычных конструкций. Поэтому при некоторых общих принципах методика исследования заимствований в области синтаксиса конкретный анализ должен проводиться в каждом случае с учетом особенностей грамматического строя данного языка. Чрезвычайно важным является при этом определение семантико-грамматических свойств тех частей речи, из которых складываются данные синтаксические обороты, а также выяснение их исходных и производных значений.